

Альтернативный взгляд на монетное производство в Гродно

Виктор КАКАРЕКО

Председатель правления
общественного объединения
“Белорусское
нумизматическое
общество”

Эпоха Просвещения (на землях Речи Посполитой — конец XVIII — первые десятилетия XIX в.) пробудила интерес к отечественной истории, материальным и письменным первоисточникам, подтверждающим древность и величие национальной истории и культуры. Можно говорить, что с этого времени зародился и распространился интерес к собиранию и изучению древних монет у народов бывшей Речи Посполитой. В последующее столетие на основе письменных и материальных источников формировалось научное представление о денежном обращении на территории Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

В работах Загурского, Стрончыньского, Пекосиньского [1] и других нумизматов-исследователей XIX — начала XX в. опубликованы выявленные архивные документы [2], относящиеся к истории денежного производства и обращения на территории бывшей Речи Посполитой. Эмерик Гуттен-Чапский [3] и иные нумизматы [4] второй половины XIX в., формируя свои коллекции, подготовили рисунки и описание разновидностей литовских и польских монет, обращавшихся в разные годы на этой территории и дошедших до нас в виде монетных кладов или единичных находок. В монографии Марьяна Гумовского [5] описана деятельность Виленской минцы в XVI—XVII вв., ассортимент выпускавшихся там монет и их метрологические параметры.

Таким образом, к середине XX в. сложился устоявшийся научный взгляд на все направления истории отечественной нумизматики XV—XVIII вв.

В советский период коллекционирование монет и нумизматические исследования переместились в музеи и исторические факультеты вузов. Основное внимание было направлено на выявление и сохранение случайно обнаруженных монетных кладов, а также на их музейную инвентаризацию. Немногочисленные публикации рассказывали о топографии монетных находок в различных регионах Беларуси, описывали выявленные монетные комплексы, оговаривали роль отдельных разновидностей монет в денежном обращении. Подготовленная В.Н. Рябцевичем книга “О чем рассказывают монеты” [6] стала подручным справочным пособием для коллекционеров, краеведов и музейных работников.

В конце прошлого века на волне роста национального самосознания, вызванного обретением государственного суверенитета бывшими советскими республиками, проявился интерес к углубленному изучению национальной истории, в том числе таких материальных первоисточников, как старинные монеты и клады. Появились нумизматические каталоги [7] и статьи [8], подробно описывающие монеты Великого Княжества Литовского. Вскоре выявление, описание и систематизация древнелитовских монет и слитков-гривен стало престижным направлением нумизматических исследований в Беларуси [9] и Литве [10].

Критический анализ письменных источников, иконографический и метрологический анализ старых монет позволили современным исследователям [11], в том числе автору [12] этой статьи, усомниться в верности некоторых ранее высказанных взглядов на выпуск как отдельных монет, так и деятельности монетных дворов в целом. Новые взгляды на проблемы отечественной нумизматики, оглашенные на нумизматических конференциях в узком кругу специалистов и опубликованные в малотиражных изданиях, остаются труднодоступным материалом для широкого круга историков, краеведов и коллекционеров монет.

Большую помощь в решении этой проблемы оказывает редакция журнала “Банкаўскі веснік”. Все номера этого журнала, в том числе с материалами нумизматических конференций, выставлены для просмотра и скачивания на сайте Национального банка Республики Беларусь [13]. Свою лепту вносит нумиз-

матический портал “Скарбонка” [14] ОО “БНО”, разместивший на своих страницах в Интернете материалы IX Международной нумизматической конференции, проходившей в 2010 г. в г. Августове (Польша), а также рефераты белорусских нумизматов-исследователей, прочитанные на предыдущих международных нумизматических конференциях.

Для “популяризации” альтернативных научных взглядов предлагаю совершить обзор наиболее интересных предположений.

Монетное производство в Тыкоцине

В середине XIX в. нумизмат Игнатий Загурски [15] обнаружил и опубликовал королевский Универсал от 27 марта 1572 г. о монете литовской (*Mondatum universal de moneta Lituania*), в котором написано: “...A grosze w Thykoczinie na xtałt polskich groszy wykonane, roskazuiemy tesz, aby tak w polscze, iako w Litwie, wedlie czeny groszy polskich byly brane...”¹. Это было первое упоминание в нумизматической литературе о существовании монетного производства в Тыкоцине. Долгие годы эта тема оставалась вне поля зрения нумизматов-исследователей.

Только в 1980—1990-х гг. современные нумизматы-исследователи [16], проведя иконографический анализ монет и обобщив выявленные письменные источники, сошлись во мнении, что в 1560-х гг. на территории ВКЛ в Вильно и Тыкоцине действовало два центра монетного производства единого Литовского монетного двора. Высказаны предположения, что производство монет в Тыкоцине осуществлялось с 1562 по 1568 г. В ассортименте выпускаемых там литовских монет были: денарии 1563 г., двуденарии 1566—1567 гг., полугроши 1562—1563, 1566 гг., гроши литовские и по стопе польской 1566—1568 гг., гроши двойные 1565 г., гроши тройные 1562—1563, 1565—1566 гг., полкопек (талер) 1564 г., а также на территории королевского Скарбца в Тыкоцине в 1564 г. контрамаркировали неаполитанские полталеры и талеры из так называемого “наследства королевы Боны”.

В эти же годы велась чеканка “широких” низкопробных трояков и шостаков. В нумизматической литературе XIX в. укоренилось мнение, что трояки и шостаки, датированные 1562 г., были сделаны из свидницких полугрошей. В начале XX в. М. Гумовский подверг критике данное мнение, утверждая, что изъятие свидницких полугрошей производилось в 1546—1547 гг., и неправдоподобно, чтобы собранные в то время запасы монетного серебра хранились 15 лет и только в 1562 г. их использовали для чеканки “широких” трояков.

Разделяя точку зрения М. Гумовского о том, что никто не стал бы хранить без дела полтора десятка лет низкопробное монетное серебро, нельзя отвергать факт, что “широкие” монеты производили из каких-то запасов низкопробного серебра.

В монетном производстве тех лет было принято чеканить монеты большого диаметра из пластичного металла — высокопробного серебра или золота. Для нанесения рельефного изображения на монетный кружок большого диаметра из более твердого низкопробного серебра требуется значительное увеличение давления на штемпеля, что приводит к их быстрому износу или растрескиванию. Низкопробные монеты, как правило, имели малый диаметр (*рисунок 1*).

На монетах Жигимонта Августа четко прослеживается изменение рисунка геральдических гербов во времени, что позволяет построить хронологический ряд. Но герб “Погоня” на “широких” монетах выпадает из этого ряда, такой тип “Погони” применяли на двуденариях 1569—1570 гг. Есть письменные источники², подтверждающие изготовление двуденариев после запрета чеканки монет Люблинской унией.

Сырьем для изготовления “широких” монет послужили легковесные литовские гроши и полугроши 1566 г., поступившие в великокняжескую казну. В начале 1566 г. с ведома короля староста радомский Ян Лютомирский, под опекой которого находилась королева и ее двор, изготовил на Литовском монетном дворе в Вильно и Тыкоцине монеты со своим гербом “Ястжембец” [17]. Монеты предназначались для потребности королевы Катажины Габсбургской и ее двора. С 1563 г. королева в ожидании предполагаемого развода с королем Жигимонтом Августом находилась

Рисунок 1. Три гроша 1562 г. (диаметр 26—28 мм) и двуденарий 1570 г. (диаметр 14—15 мм) имеют одинаковый тип герба “Погоня”

¹ “... А гроши в Тыкоцине по образцу польских сделанные, повелеваю, чтобы как в Польше, так в Литве, по цене польских грошей принимались”.

² В соответствии с Люблинской унией, подписанной 1 июля 1569 г., работа Виленского монетного двора была приостановлена. В виде исключения 10 апреля 1570 г. король выдал привелей, по которому Иогану Болеману, не успевшему реализовать контракт от 10 февраля 1569 г., разрешалось отчеканить двуденарии из 4000 серебряных марок. *Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórnuku. Rkps. 250.*

в сепарации в Радомю и готовилась к предстоящему отъезду из Польши в Силезию. Часть литовских грошей и полугрошей 1566 г., которые отчеканили в Тыкоцине, имели заниженное содержание серебра, монеты соответствовали весовой норме, принятой в Польше и Силезии. С отъездом королевы часть легковесных литовских монет 1566 г. поступили в денежное обращение ВКЛ и Польши.

Попавшие в великокняжескую казну легковесные гроши и полугроши отделили и, не повышая пробы, переделали в “широкие” тroyаки и шостаки, а так как Люблинской унией (1569) была запрещена чеканка монет, то указали на них “законную” дату — 1562. Оставшиеся в денежном обращении Польши и Литвы монеты, изготовленные в Тыкоцине по польскому образцу, приравнивали к монете, битой по стопе польской, согласно королевскому Универсалу 1572 г., упомянутому в начале этой статьи (рисунк 2).

Наиболее устойчивым признаком отличия монет, изготовленных в Тыкоцине, от монет, изготовленных в Вильно, является отсутствие букв DG (Dei Gratia — Божьей милостью) в написании титула короля в монетной легенде. В Вильно, центре литовского протестантизма тех лет, считали, что вся власть дана от Бога, а в Тыкоцине, где было сильным влияние католицизма и польской шляхты, считали выбор короля исконным правом польской шляхты и не ставили на монете буквы DG. Но вернемся к основной теме нашего реферата.

О монетном производстве в Гродно

В энциклопедической статье, подготовленной Иваном Синчуком, приводится мнение, бытовавшее в сре-

де историков и нумизматов XIX—XX вв.: “Гродненский монетный двор выпускал тroyаки (1706), шесть грошей (1706—1707) лотовой пробы IV. На аверсе монет — изображение короля Речи Посполитой Августа II (1697—1706, 1709—33), на реверсе — родовой герб “Весы” подскарбия литовского Л. Поцея, его инициалы LP. Монеты изготавливали техникой вальцовки...” [18].

Этого же мнения придерживался В.Н. Рябцевич, который написал: “...литовский подскарбий Людвик Поцей ухитрился организовать в Гродно Монетный двор, где в 1706 г. отчеканил пробный трехгрошовик, в 1706 и 1707 гг. — шестигрошовики...” [19].

В конце 1990-х гг. с альтернативным мнением выступили нумизматы-исследователи Беларуси [20] и Литвы [21], которые опровергли утверждения классиков нумизматики о чеканке именно в Гродно в годы Северной войны литовских тroyаков и шостаков.

Решение об изготовлении этих монет действительно было принято в конце 1705 г. в Гродно на саммите монарших особ — Петра I и Августа II, где обсуждались разные проблемы, в том числе численность польско-литовских войск и сумма военных издержек. Предлагалось открыть в Кёнигсберге тайный монетный двор для перечеканки копеейки в тынф с пониженным стопы их стоимости [22].

Трехгрошовик 1706 г., хранящийся в Дрезденском музее, с большой долей вероятности является антикварной подделкой XIX в. (рисунк 3).

Литовские шестигрошовики 1706—1707 гг. со знаком “Весы” подскарбия литовского Людвиг Поцея изготавливали методом вальцовки на специальном станке, привезенном из Саксонии, только там применялась такая технология. Монетные дворы в Речи Посполитой, Пруссии и Москве не использовали подобного оборудования для изготовления монет. Первая партия монет была изготовлена в 1706 г. из монетных кружков, полученных путем передела предоставленной Петром I русской копейки, на Кёнигсбергском монетном дворе. В дальнейшем этот станок, по имеющимся архивным данным [23], использовали для изготовления литовских шостаков 1706—1707 гг. в Москве на Кадашевском³ монетном дворе. Современные нумизматы-исследователи пришли к мнению, что

Рисунк 2. Литовские полугроши 1566 г., изготовленные в Вильно (1) и Тыкоцине (2) (диаметр 20 мм)

Рисунк 3. Шесть литовских грошей 1706—1707 гг. (масса 2,6 г, диаметр 25,5—26 мм)

³ Он же Адмиралтейский, или Замоскворецкий, монетный двор.

монетного двора в Гродно в 1706—1707 гг. не было и быть не могло из-за подконтрольности, а фактически оккупации города в эти годы шведскими войсками Карла XII или его сторонниками.

Остается спорным вопрос: следует ли считать шостаки Людвика Поцея “фальшивыми”, как их тогда называли, то есть оккупационными деньгами? Эта монета содержала серебра на одну треть меньше, чем находившиеся в те годы в обращении шостаки Яна Казимира или Яна Собесского. А это типичный пример оккупационных денег, так как снижение содержания драгметалла приводило к косвенному налогообложению завоеванного населения.

Но, с другой стороны, в конце XVII в. шесть польских грошей были равны трем копейкам. В 1696 г. Петр I изменил содержание серебра в копейке на 1/3, с весовой нормы в 0,42 г при Федоре Алексеевиче (1676—1682) до 0,28 г. Вновь изготовленные литовские шостаки 1706 г. сохраняли прежний обменный курс.

В энциклопедической статье [18] “Гродненский монетный двор”, подготовленной Иваном Синчуком, написано: “3 Г.м.д. традыцыйна звязваюць выроб талера 1793 г. Таргавіцкай канфедэрацыі”. Этого же мнения придерживался В.Н. Рябцевич, написавший: “Тарговицкая конфедерация устанавливает свою резиденцию в Бресте, но вскоре переносит её в Гродно, где в 1793 г. (вероятно, в конце зимы — начале весны) использует Монетный двор для малотиражного 6—10 тыс. экз. выпуска талера (несостоявшееся его [монетного двора. — В.К.] открытие было задумано еще в 1767 г. Выделено специальное здание, завезено оборудование)” (рисунки 4).

Иное, альтернативное, мнение, отвергающее чеканку этого талера в Гродно, было высказано мной в 2000 г. на IV Международной нумизматической конференции в Супрасле (Польша) [25].

На основании архивных документов [25] и публикации в газете того времени “Korespondent Warszawski” [26] были приведены доводы, доказывающие, что талер в память о создании Тарговицкой конфедерации изготовлен в 1793 г. в количестве около 1700 экземпляров на Варшавском монетном дворе. Несколько лет спустя этими же штемпелями было отчеканено еще несколько талеров для коллекции. В 1870 г. на Санкт-Петербургском монетном дворе, используя иную разновидность штемпелей, отчеканили в меди и серебре партию талеров Тарговицкой конфедерации.

Собранный и напечатанный материал однозначно подтверждает, что в Гродно не было эмиссии монет ни в годы Северной войны, ни во времена Тарговицкой конфедерации. Однако тиражи публикаций и авторитет Валентина Наумовича Рябцевича и иных классиков нумизматики столь велики, что и сегодня Гродненский монетный двор продолжает свое “существование” на страницах вновь издаваемой исторической и краеведческой литературы.

В исторической и нумизматической литературе есть еще несколько упоминаний о Гродно как о месте чеканки монет.

“Пры Станіславе Аўгусце Панятоўскім (1764—1795) была распачата спроба ўстанавіць работу Г.м.д. 16.7.1768. Скарбовая камісія ВКЛ прыняла праект пабудовы ў Гродне новага манетнага двара, даручыўшы весці работы адміністратару Кракаўскага і Варшаўскага манетных двароў П.М. Гартэнбергу-Садарурскаму, але, перагледзеўшы сваё рашэнне, 11.1.1769 адмовілася ад гэтага”, — писал Иван Синчук [18] в энциклопедической статье о Гродненском монетном дворе. Этот нумизматический эпизод в истории Гродно, роль в нем Антония Тызенгауза, литовского подскарбия надворного и гродненского старосты, подробно описаны многими исследователями [27], и поэтому не будем заострять на этом свое внимание.

Хотелось бы напомнить еще об одном малоизвестном упоминании о чеканке монет в Гродно в начале XVI в. Сохранение общественного интереса к отечественной нумизматике требует введения в научный оборот вновь выявленных письменных и материальных первоисточников всестороннего анализа собранного материала и публикации полученных результатов. Там, где не хватает информации из первоисточников, для привлечения интереса исследователей к решению отдельных вопросов следует выработать научные гипотезы, не противоречащие точно установленным фактам, то есть создавать национальную нумизматическую мифологию.

Обратимся к трудам [28] собирателя литовских древностей и фольклора Теодора Нарбута (1784—1864). В первом томе (с. 202) своей девятитомной монографии Нарбут, ссылаясь на “Гербовник...” Войтеха Кояловича (1609—1677), описал литовские золотые монеты “перуны”.

На эту же тему писал О. Бутвиловский [29]: “Высокая доброта старинных монет литовских послужила к тому, что потом они вышли из обращения, сделались предметом выгодной ростовщической спекуляции, или были вывезены из края, или наконец, послужили материалом для чеканки монет низшего достоинства. Коялович, в своем гербовнике шляхты литовской (Нарбут, т. 1, п. 203) рассказывает, что какой-то Петр из Курозвенк, прозванный перуном, которого отец Иван в 1503 году имел от короля Александра дозволение чеканить в Гродне польскую монету, занимался, в сотовариществе с еврейями, скупиванием литовской монеты. Золотые перуны он продавал в Голландию, а серебро перечеканивал на худшую польскую монету, за что был преследуем судебным процессом до 1545 г. Об этом также упоминают в своих хрониках Бельский и Стрыйковский”.

Опубликованная Т. Нарбутом в первой половине XIX в. информация о выдаче Александром Казимиром

Рисунок 4. Талер “тарговицкий” 1793 г. (масса 27,5 г, диаметр 42 мм)

вичем в 1503 г. разрешения на чеканку монет в Гродно приводится также в работах Орловского⁴, Ю. Иодковского⁵ и др.

Деятельность Теодора Нарбута способствовала популяризации исторических знаний, развитию культуры на территории бывшего ВКЛ и формированию национального самосознания у местного населения. Нарбут был автором девяти томной “Древней истории литовского народа”, первого столь фундаментального исследования о совместной истории белорусского и литовского народов. За этот труд Николай I наградил Теодора Нарбута перстнем с бриллиантом.

Но чрезмерное увлечение легендами и преданиями при отсутствии специального исторического образования проявилось в не критическом подходе к отбору первоисточников. Зачастую для доказательства своих гипотез Нарбут использовал ссылки на устные предания, недостоверные и сомнительные материалы, трудно поддающиеся проверке. В результате в современной науке с большой осторожностью используют ссылки на работы Т. Нарбута, а некоторые опубликованные им материалы вообще исключены из научного оборота как недостоверные.

Не вызывает сомнения непричастность представителей рода Порай из Курозвенк к чеканке литовских монет. Но информация о разрешении Александра Казимировича организовать в Гродно чеканку монет не подвергалась всестороннему анализу. Может, не случайно в 1506 г. именно в Гродно Михаил Глинский передал Жигимонту Старому в присутствии панов Рады свой финансовый отчет о деятельности монетного двора (минцы) и восковни виленской и получил об этом квитанцию, заверенную подписью Жигимонта Старого и скрепленную великокняжеской печатью.

Как говорится в одной из книг Ветхого Завета, “Всеу свое время, и время всякой вещи под небом: ...Время разбрасывать камни, и время собирать камни; ...” [30]. Может, пришло время обратить внимание на эту цитату Т. Нарбута, как когда-то, обратив внимание на ссылку о чеканке монет в Тыкоцине, воссоздали историю действовавшего там монетного производства.

Можно найти и привести целый ряд доводов о политической и экономической целесообразности открытия именно в 1503 г. в Гродно монетного производства, например:

— в 1503 г. Великое Княжество Литовское заключило шестилетнее перемирие с Великим Княжеством Московским;

— в Гродно находился центр Гродненской великокняжеской экономики, которую в эти годы передают великой княжне Елене Ивановне. Александр Казимирович, желая сохранения добрососедских отношений с Москвой, показательно улучшал ее независимость и материальное благосостояние, передавал во владение своей жены, дочери великого князя Московского Ивана III, обширные землевладения и города на территории ВКЛ;

— в 1503 г. евреям было разрешено вернуться в ВКЛ на прежнее место жительства с возвратом имущества и выплатой им компенсации, передачи евреям в откуп таможен, переправ и мостов на торговых путях. Это происходило на фоне возобновления торговых связей, проведения торгов и ярмарок, то есть расширения товарно-денежных отношений, следовательно, увеличения потребности в разменной монете.

По мере удаления от европейской серебряных рудников (Чехия, Саксония и др.) или крупных портовых городов (Гданьск, Кёнигсберг), куда поступало “заморское” серебро, его рыночный курс к золоту значительно увеличивался, то есть снижалась цена продаваемых местных товаров. С началом производства и вывоза в Западную Европу товарного зерна шло резкое насыщение рынка серебряной разменной монетой. Привезенные кушачами на нашу территорию серебряные слитки обменивались в специальных меняльных конторах на местную серебряную монету. Иноземным купцам разрешалось торговать на ярмарках только с использованием литовской монеты. У местных властей был в этом свой интерес, так как курс обмена включал косвенное налогообложение, поступающее в великокняжескую и городскую казну. Накопленные слитки передельвали в монеты. Особенности денежного обращения при мелкорозничной и оптовой торговле того времени заслуживают отдельного разговора.

А пока я призываю нумизматов-исследователей, в первую очередь моих соотечественников, направить свой взор на письменные и материальные первоисточники (монеты) Великого Княжества Литовского начала XVI в. с целью выявления и обобщения прямых и косвенных подтверждений осуществления чеканки монет при Александре Казимировиче и Жигимонте Старом в Гродно. Хорошим примером в этой работе может служить деятельность нумизматов-исследователей разных стран по воссозданию истории монетного производства в Тыкоцине, где находился великокняжеский Скарбец.

⁴ Орловский, Е.Ф. Гродненская старина. Ч. 1. Город Гродно. Гродно, 1910. — 344 с. (с. 50). “В 1503 году Александр, находясь в г. Гродне, дал некому Ивану из Курозвенк разрешение чеканить в Гродне литовскую монету”.

⁵ Jodkowski, Józef. Grodno: z 28 ilustracjami i planem miasta / J. Jodkowski, Departam. szytki min. W.R.i O.P. — Wilno: Nakładem księgarni J. Zawadzkiego w Wilnie, MCMXXXIII. — 119 s. (s. 12) “W r. 1503 Aleksander J., bawiac w Grodnie, zezwolił Janowi z Kurozwek bić tu monetę litewską.” Далее он пишет: “Narbutt twierdzi, że w Grodnie były bite nawet złote monety, zwane „piorunami”, a mające na jednej stronie (Av) herb wielkiego księstwa litewskiego — Pogoń i na stronie odwrotnej (Rv) wyobrażenie postaci, siedzącej na ptaku drapieżnym, trzymającej w prawej ręce berło, a w lewej trzyszczałę piorunowe, — skąd miała powstać nazwa tych monet. Jednakże złotych „piorunów”, bitych w Grodnie, nie mogliśmy odnaleźć w żadnym ze znanych zbiorów numizmatycznych, natomiast znane są tylko pylvgozski Zygmunta I, bite przez Pioruna z Kurozwek.” Перевод: “Narbutt утверждает, что в Гродно были биты даже золотые монеты, называемые “piorunami”, имеющие на одной стороне (Av) герб Великого Княжества Литовского — “Погоню” и на оборотной стороне (Rv) — изображение фигуры человека, сидящего на хищной птице, держащего в правой руке державу, а в левой — три стрелы молнии (откуда возникло название монет). Однако же золотых, чеканенных в Гродно, автор не мог найти ни в одном из известных нумизматических собраний.”

Источники:

1. Piekosiński, O. *Monetecie i stopie menniczej w Polsce w XIV — XV wieku* // *Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Historyczno-Filozoficznego Akademii Umiejętności*, 1878. T. 9. — S. 1—320.
2. Zagórski, I. *Monety dawnej Polski jako też prowincyj i miast do niej niegdy należących z trzech ostatnich wieków*. Warszawa 1845. Reedycja Warszawa 1969, 1977; W. Schwinkowski. *Das Geldwesen in Preussen unter Herzog Albrecht (1525—1569)*. *Zeitschrift für Numismatik*, 1909. P. 166, 349—350. K. Stroiczynski. *Dawne monety polskie dynastii Piastów i Jagellonów*. Piotrków. 1883—1885, n. III. S. 149.
3. Hutten-Czapski, E. *Catalog de la collection des medailles et monnaies polonaises*. Vol. 1—5, Paris; St.-Petersburg; Crakowie, 1871—1916.
4. Czacki, N. *O monetecie polskiej i litewskiej* // *O litewskich i polskich prawach*. 1800; *Skorowidz Monet Polskich od 1506 do 1825 roku ułożony przed Karola Beyera w roku 1862*. Wydany w Krakowie roku 1880; *Tyszkiewicz, J. Skorowidz monet litewskich*, Warszawa 1875.
5. Gumowski, M. *Mennica wileńska w XVI—XVII wieku*. — Warszawa 1921.
6. Рябцевич, В.Н. *О чем рассказывают монеты* / В.Н. Рябцевич. — Минск, 1968. — 256 с.; Рябцевич, В.Н. *О чем рассказывают монеты*. Изд. 2-е, перераб. и доп. / В.Н. Рябцевич. — Минск, 1977. — 399 с.
7. Какареко, В.И. Шталенков, И.Н. *Монеты Великого княжества Литовского. 1492—1707* / В.И. Какареко, И.Н. Шталенков. — Минск, 2005, 79 с.; Sajauskas, S., Kaubrus, D. *Lietuvos Didziosios Kunigaikštystes numizmatika: Katalogas*. Vilnius 1993. — 456 p.; Sajauskas, S. *Lietuvos Didziosios Kunigaikštystes numizmatika: Katalogas*. D. 2. — Kaunas 2006. — 248 p.; Ivanauskas, E. *Douchis, R.J., Coins of Lithuania. 1386—1707*. Vilnius — Columbia 1999. — 272 p.; Douchis, R.J., Ivanauskas, E. *Pocket catalogue of Lithuanian coins*. Kaunas 2004. 108 p.; Ivanauskas, E. *Coins of Lithuania: catalogue* / E. Ivanauskas. — Vilnius 2009. — 408 p.
8. Грималаускайте, Д., Синчук, И. “Сатирические” трехгрошовики Сигизмунда Августа — монета чрезвычайных обстоятельств? // *Pieniądz pamiątkowy i okolicznościowy-wspólnota dziejów. Materiały IV Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. — Warszawa, 2000. — S. 69—80; Иванаускас, Е. Злоты на польскую стопу — первый литовский талер // *Warszawa 2000*. — S. 59, 60; Филонов, В.А. Ефимки на Беларуси // *Pieniądz i wojna. Materiały VI Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. — Warszawa 2004. — S. 161—166.
9. Гулецькі, Дз. Грамыка, А. Псуціццё рэгулярнае манеты ВКЛ Ягайлы ў 1388—1392 гадох // *Psucie pieniądza w Europie środkowo-wschodniej od antyku po czasy współczesne. Materiały VII Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. — Warszawa 2006. — S. 66—72; Шталенков, И. Новые находки ранних монет Великого княжества Литовского // *Pieniądz — kapitał — praca — wspólne dziedzictwo Europy. Materiały VIII Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. — Warszawa 2008. — S. 37—40; Шталенков, И. Литовские “трехгранные” слитки-гривны // *Pieniądz i wojna. Materiały VI Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. — Warszawa 2004. — S. 95—104.
10. Ремецас, Э. Монеты Великого княжества Литовского в конце XIV—XV в., ухудшение их качества // *Psucie pieniądza w Europie środkowo-wschodniej od antyku po czasy współczesne. Materiały VII Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. — Warszawa 2006. — S. 91—94.
11. Grimalauskaite, D. *Монетный двор Вильнюса 1565—1571* // *Mennice między balttykiem a morzem czarnym — wspólnota dziejów. Materiały III Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. Warszawa 1998. — S. 113—117; Синчук, И. “Шеляжные” монетные дворы ВКЛ и медные солиды Яна Казимира в кладах // *Mennice między balttykiem a morzem czarnym — wspólnota dziejów. Materiały III Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. Warszawa 1998. — S. 153—168.
12. Какареко, В.И. *Гродненский монетный двор* // *Mennice między balttykiem a morzem czarnym — wspólnota dziejów. Materiały III Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. Warszawa 1998. — S. 187—196.
13. *Материалы Международной нумизматической конференции* // *Банкаўскі веснік*. — Минск, 2010, 2008, 2006, 2004. Архив журнала. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/bv/narch/480/>; <http://www.nbrb.by/bv/narch/408/>; <http://www.nbrb.by/bv/narch/333/>; <http://www.nbrb.by/bv/narch/252/> — Дата доступа: 01.02.2012.
14. PIENIĄDZ — SYMBOL — WŁADZA — WOJNA *wspólne dziedzictwo Europy. Materiały z IX Międzynarodowej konferencji numizmatycznej. Augustów—Warszawa 2010*. — 368 s. // *Нумизматический портал “Скарбонка”*. — Режим доступа: http://www.skarb.khoz.ru/pdf/1/IX_materialy_konferencji.pdf — Дата доступа: 01.02.2012.
15. Zagórski, I. *Monety dawnej Polski. Teksty da tablic (reedycja)*. Warszawa 1977. — S. 124.
16. Filipow, K. *Lokalizacja mennicy w Tykocinie, Białostocki Numizmatyk, Białystok*, 1983. s. 9—11; E. Ivanauskas. *Działalność mennicy tykocińskiej. Zapiski numizmatyczne, Kraków*, 1997. S. 100—107. Какареко, В.И., *Монетный двор в Тыкоцине* // *Банкаўскі веснік*, 2006, № 4. С. 19—25.
17. Какареко, В.И. *Монетный двор в Тыкоцине* / В.И. Какареко // *Банкаўскі веснік*, 2006, № 4. С. 24, 25. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by/bv/narch/408/15.pdf> — Дата доступа: 01.02.2012.
18. Синчук, И.И. *Гродзенскі манетны двор / I. Синчук* // *Археалогія і нумізматыка Беларусі: Беларус. Энцыкл.; В.В. Гетаў і інш.* — Мн.: БелЭн, 1993. — С. 190, 191.
19. Рябцевич, В.Н. *Нумизматика Беларуси* / В.Н. Рябцевич. — Минск, 1995. — С. 241.
20. Какареко, В.И. *Военные деньги Северной войны* // *Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтночнага сумежжа: 36. навук. пр. / Адк. рэд. А.М. Пяткевіч.* — Гродна: ГрГУ. 2003. — С. 230—237. *Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (лістапад 1999)*.
21. Ivanauskas, E., Douchis, R.J. *Lietuvos monetu kalybos istorija 1495—1769* / E. Ivanauskas, R.J. Douchis. — Vilnius, 2002. — P. 173—175.
22. Feldman, J. *Polska w dobie wielkiej wojny Północnej 1704—1709*. Kraków 1925. — S. 173, 174.
23. Рябцевич, В.Н. *Российско-“Польские” монетные эмиссии эпохи Петра I. Тольятти*, 1995. — С. 160. — *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т. VI. № 1815. С. 730 (Письма и бумаги императора Петра Великого. С. Петербург, 1907. Т.V. С. 730).
24. Kakareko, W. *Talar Targowicki z 1793 roku*. / W. Kakareko // *Pieniądz pamiątkowy i okolicznościowy — wspólnota dziejów. Materiały IV Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej*. Warszawa 2000. — S. 159—163.
25. Kurnatowski, M. *Przyczynki do historii medali i monet Polskich bitych za panowania Stanisława Augusta* // *Zapiski Numizmatyczne nr. 10—1886*.
26. *Ustanowienie Medalu dla obrońców Rzeczypospolitej, i bicia pod tymże Stemplem Talarów* // *Gazeta Korespondent-warszawski nr 97*. Warszawa R. 1792 Dnia 13 Grudnia. S. 93, 94.
27. Kurnatowski, M. *Przyczynki do historii medali i monet Polskich bitych za panowania Stanisława Augusta* // *Zapiski Numizmatyczne nr. 13—1887*; Piage, K., *Okres Stanisława Augusta w historii numizmatyki polskiej*. — Kraków 1913. — S. 16; Gumowski, M., *Mennica wileńska w XVI—XVII wieku*, Warszawa 1921. — S. 183; Filipow K. *Mennictwo Wielkiego księstwa Litewskiego (XVI—XVIII w.)* // *Pieniądz i mennictwo Wielkiego księstwa Litewskiego*. — Białystok 1987.
28. Narbutt, T. *Dzieje starożytne narodu litewskiego...* Wilno, t. 1—9, 1835—1841.
29. Бутвиловский, О. *Опыт истории языческой Литвы* // *Вестник Западной России. Год VIII — 1870, книжка XI, том IV*. Вильна, 1870. Отд. II. — С. 41, 42.
30. *Ветхий Завет. Книга Екклесиаста 3:5*.